

Пашкова Наталия Викторовна

старший преподаватель кафедры философии
Кубанского государственного
технологического университета
pashkov1570@rambler.ru

БЕЗГРАНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЫСЛИ МАМАРДАШВИЛИ

Аннотация:

Статья посвящена выдающемуся философу XX в. М.К. Мамардашвили. Философ пытался освоить безграничное пространство реальности. Его интересовала проблема: как человеку понять нечеловеческий мир, в котором он живет? Автором анализируется суть философской концепции М.К. Мамардашвили.

Ключевые слова:

личность, мысль, усилие, мышление, гармония, нравственность, духовность, инаковость.

Pashkova Nataliya Viktorovna

senior lecturer of the chair of philosophy,
Kuban State Technological University
pashkov10@rambler.ru

BOUNDLESS SPACE OF MAMARDASHVILI'S THOUGHT

The summary:

The article is devoted to the outstanding philosopher of XX century M.K. Mamardashvili. The philosopher was trying to learn the reality of endless space. He was interested in the problem: as a man to understand non-human world in which he lives? The author examines the essence of the philosophical concept of M.K. Mamardashvili.

Keywords:

personality, thought, effort, thought, harmony, morality, spirituality, and otherness.

Никогда не нужно бояться зайти слишком далеко,
потому что истина – еще дальше.
М.К. Мамардашвили

Разговор о Мамардашвили – это, с одной стороны, разговор о независимости личности от времени и пространства, а с другой – о глубоком понимании реальности, выходящей за ее рамки. Обращаясь к его работам, надо отметить, что его философия еще не прочитана, многие его тексты были только услышаны.

М.К. Мамардашвили, так же как и Сократ, практически не оставил после себя письменного наследия, поэтому его философствование называют «сократическим». Он пребывал в мире «сыновей гармонии», то есть «есть сыновья отцов и матерей, то есть рожденные биологические существа, а есть рожденные «вторым рождением». И это – сыновья гармонии» [1, с. 30]. Он сам был «сыном гармонии», как и его любимые Пруст, Декарт, Данте, Платон. Природа его философского дара была воплощена, прежде всего, в речевой деятельности. Устная речь и письменный текст – это два разных способа существования мысли. Философствование вслух стало основным методом познания Мамардашвили.

Мамардашвили старался пробудить в своем слушателе философа, говоря с ним о том, что волнует его самого, размышляя вслух и зачастую мучительно подбирая нужные слова. Он часто повторялся, «кружил» вокруг, возвращался к тому, что уже было сказано, и, в конце концов, приходил к максимально точному выражению того, что в невербализованном виде, без помощи слов, уже было сформулировано им где-то в глубинах его «я». Задача философа для Мамардашвили заключалась, прежде всего, в том, чтобы посмотреть на мир не при помощи одного из пяти чувств, но глазами души.

В середине XX в. сложилась удручающая ситуация, когда слово умирало, и философия стала вырождаться в схоластику, заговорили даже о ее смерти. Появлялось множество концепций, но они становились все более легковесными, превращались в особый род интеллектуальной игры.

Суть философской концепции М. Мамардашвили можно определить как «метафизику мысли», усилие мысли постичь и внешнюю реальность, и реальность мысли, сформировать устойчивость внутренней позиции личности, которая противостоит условиям бытия. Он считал, что философия своими корнями уходит в тот способ, каким человек случается и существует в мире в качестве человека, а не просто в качестве естественного – биологического и психического – существа. «Это «человеческое в человеке» есть совершенно особое явление: оно не рождается природой, не обеспечено в своей сущности и исполнении никаким естественным механизмом. И оно всегда *лицо*, а не вещь. Философия имеет самое непосредственное, прямое отношение к способу существования (или несуществования) этого «странного» явления» [2, с. 9].

Философия Мамардашвили – это своего рода смысловое творение, когда мысль, совершая усилие, пытается сотворить и постичь жизненные смыслы личности.

Лекции Мамардашвили – это способ развертывания своей позиции, авторского подхода, своего видения проблем. Очевидно, что в этих лекциях он обращался к определенному собеседнику – чаще всего к самому себе, потому что мало было равных ему по глубине мысли.

Студенты внимали ему, а он говорил о свободе, о человеческой личности, ее ответственности. Они наблюдали чудо рождения мысли. Он творил, философствуя, перед их глазами, но после завершения лекции оказывалось, что очень немногое из нее запомнилось. Один из его слушателей вспоминал: «Это была понятельная вспышка, которая каждый раз рождалась вокруг Мераба Константиновича. Полезность этой вспышки была необычайна, но она была краткосрочна, потому что энергия после выхода из этого пространства терялась». Студенты не виноваты в том, что они не смогли удержать в памяти сложнейший и объемный текст, наверное, это за гранью человеческих возможностей. А может, просто быть человеком удавалось только рядом с ним, может, именно мысль Мамардашвили делала людей людьми свободными, гордыми, мыслящими, способными «случиться», открыть «человеческое в человеке», состояться в мире в качестве человека. Мамардашвили полагал, что философия занимается как бы сама собой — в двух регистрах. «Один регистр – это тот элемент нашей жизни, который по содержанию своему и по природе наших усилий является философским. Поскольку философия не может складываться и реализовываться в качестве жизни сознательных существ в их человеческой полноте, если, наделенные сознанием, желаниями и чувствительностью, эти существа в какой-то момент не «профилософствовали». То есть не осуществили какой-то особый акт (или состояние), который оказывается различным и названным философским.

И второй регистр – это философия как совокупность специальных теоретических понятий и категорий, как профессиональная техника и деятельность, с помощью которых нам *удается* говорить об указанном элементе и развивать его и связанные с ним состояния, узнавая при этом и о том, как вообще устроен человеческий мир. Назовем первый регистр «реальной философией», а второй — «философией учений и систем» [3, с. 9]. Именно «реальная философия» стала делом жизни Мамардашвили, ее смыслом.

Философское сознание по Мамардашвили – это духовная деятельность, которая воспроизводит в человеке то, что является в нем действительно человеческим, выражает спонтанность личности. В «реальной философии» у Мамардашвили «философский акт» инкорпорирован в режим выполнения человеком своих сознательных духовных целей в жизни. Он подчеркивает, что все то, что мы называем «культурой», все нравственные нормы не могут существовать сами по себе, то есть они могут «длиться» только при условии, что огромное количество людей, прилагая определенные усилия, страдая, а порой, рискуя собственной жизнью, воспроизводили условия для их «длания».

Своей жизненной задачей Мамардашвили определил очищение своих собственных мыслей и рассуждений от всего поверхностного, чужеродного. Он считал, что необходимо научиться снимать маску, которая у нас приросла к лицу, иначе получается, что мы – и не мы вовсе, а копии, повторяющие чужие слова, жесты, мысли, а нам самим нечего сказать, живём зря и не своей жизнью, даже не задумываясь над этим. Мамардашвили учит различать эти вещи, совершать постоянное духовное усилие, чтобы оставаться живым, искать своё гражданство. Он говорит о том, что человеку мыслящему не достаточно просто настроиться на нужную мысль, в момент встречи необходимо сознательно совершить духовное усилие. Только тогда появляется некая гармония, способная облагородить человека и весь окружающий мир. «Мысль как некое исходное переживание возникает благодаря душевному потрясению», – говорил Мамардашвили. Человек в самом начале своей жизни не может предугадать, что из всего этого выйдет, не знает до конца своих способностей и возможностей, не может озвучить какие цели и задачи он ставит перед собой, даже свои желания порой не осознает. Но ведь для всех очевидно, что грамотно поставленный вопрос – это уже половина его решения, поэтому необходимо чётко определиться со своими возможностями, приобрести свое гражданство.

Мамардашвили, скорее можно отнести к думающим, чем к пишущим философам. Он бесконечно правил свои тексты, бросал, не доделав, терял к ним интерес. «Дело в том, что текст иногда как бы пробует себя на кончике пера, написанием его человек что-то в себе устанавливает (чего без этого не было бы) – какой-то в последующем порождающий механизм движения или состояния мысли, которое потом будет воспроизводиться. И если такой механизм установлен, то текст не имеет значения. Его можно и не печатать, если он дописан, или вообще не дописывать» [4, с. 9]. Может быть, его, так же как и Декарта, и Пруста, не очень огорчила бы потеря рукописи.

Любимое занятие Мамардашвили – философствование вслух, «он был великий мастер импровизации и мудрой философской беседы. Это был органичный для него жанр – устной беседы, размышления вслух, особенно в аудитории» [5, с. 11]. У него была оригинальная, свойственная только ему структура фразы. Он начинал с примера, если хотел сказать что-то важное, а потом вокруг этого примера мало-помалу распространял другие примеры и до тех пор, пока ты не усваивал первого, он не переходил к другому. Это была именно школа владения своим языком, речью после того, как ты овладел своим сознанием, мыслью.

Мамардашвили считал, что мысль может существовать только «в исполнении», как любое духовное явление. «Она существует только в момент и внутри своего собственного вновь-исполнения. Так же, как симфония, нотная запись которой, конечно же, не является музыкой. Чтобы была музыка, ее надо исполнить» [6, с. 21]. Так слово, организовав пространство, позволяло мысли быть.

М.К. Мамардашвили – выдающийся философ современности. Хотя он считал, что сам термин «выдающийся» – не философский, потому что для философа важно и необходимо совершить сам акт философствования, восполниться в своем существовании, состояться. Перед ним не стояла проблема выбора кем быть, его ум был «заточен» на философию, и с девятого класса он был уверен, что станет философом, одиноким философом. «Одиночество... я хронический специалист по одиночеству уже с ранней юности. Потом, одиночество – моя профессия» [7, с. 69]. Он стал одиноким философом, мыслящим вслух.

Мамардашвили, вслед за Прустом, считал, «что если мы что-нибудь узнаем, то узнаем только в юности, а потом все узнанное понимаем, познаем. Но узнаем только в юности – вот ту первичную форму, в которой когда-то тебе явилась любовь как таковая, в которой перед тобой предстала справедливость как таковая и т.д. Если случается, то только в юности, а если не случилось, то никогда не случится, человек лишен этого. Этого не будет. Вообще» [8, с. 67]. Ему повезло, именно в юности он узнал то, что потом всю жизнь стремился познать и понять.

Мамардашвили считал, что он родился в рубашке, что ему везло всю жизнь. Везло на друзей, которые давали возможность прочесть курс лекций, зная, что его закроют через год, а может и раньше. Дружба с Юрием Сенокосовым поддерживала Мамардашвили до конца жизни, и благодаря ему сохранились магнитофонные записи лекций, ставшие книгами уже после смерти философа.

Везло на любовь, которая сделала его другим, придала ему форму. Мамардашвили через всю свою жизнь пронес знание о том, что неизвестно, сколько нам остается жить, но прожить мы это время должны как люди, а не как животные. Он часто любил это повторять.

Везло на слушателей, которые были вдохновителем, движущей силой, образующей смысловое пространство, которая рождала мысль – «со-бытие мысли». Ему был жизненно необходим адресат, конкретный адресат. Эта вечная необходимость в адресате, которого интересовала мысль, ее движение. Жажда общения, жажда живой, «реальной» философии вела по жизни М.К. Мамардашвили.

Теперь Мамардашвили – официально признанный философ, но у него была не простая судьба и карьера. Хотя он не был диссидентом, не был в ГУЛАГе, даже работал за границей, но с ним было все гораздо серьезнее и трагичнее: он мыслил иначе, отвергая запреты и ограничения, но и не борясь с ними, не разоблачая их.

Он ничего не ждал, и тем более не требовал от власти, наоборот он удивлялся, что ему разрешили работать в Праге, позволили прочесть курс лекций, и воспринимал как должное невозможность выезжать за границу в течение 20 лет, запрет на чтение лекций. «Я не считал, что мне кто-нибудь должен, наоборот, считал: как странно, что меня не «зарезали»... А что мне полагается от советской власти?... Я не их человек... Я не видел за ними никакой обязанности по отношению ко мне. И, соответственно, не расстраивался» [9, с. 72]. Он просто мыслил по-своему, по-иному, у него был свой собственный угол зрения на окружающий его мир, устройство его глазоотносительно видения вещей отличало Мамардашвили от многих. Он смотрел иначе и видел не предметы, а гармонию, и его мысль сама являлась гармонией.

М.К. Мамардашвили, порой, упрекали в излишней усложненности изложения материала, но за этим была реальная сложность мысли, сложность восприятия познаваемого. Он был свободным человеком, и его философия была философией свободы; но жить ему пришлось в такой стране и в такое время, где и когда свобода была утеснена и оттеснена, подавлена и унижена. Мамардашвили отстаивал право свободомыслия не на уровне публицистических лозунгов, но в обстоятельном философском размышлении. Свободная мысль как необходимая форма существования, которая в конечном смысле предопределяет целостность человека. И его этическое бытие. Понимание нравственного закона в душе человека для Мамардашвили было не менее важно, чем свободное познание и самопознание личности и космоса.

Он искал истину, но искал ее не в кабинете, листая книги, он не был всезнающим кабинетным философом. Он – спонтанный мыслитель, который на своих лекциях позволял присутствовать при таинстве рождения мысли.

Все новое всегда создается с трудом, а порой с трагическими потерями. Но трагедия, как известно, жанр оптимистический. Она делает человека равновеликим миру и заставляет его вглядываться в небеса в поисках путеводных звезд. Но для этого надо иметь возможность свободно поднять голову. И Мамардашвили делал это без особых усилий, просто он понимал, что внешний космос не завоевать без внутреннего.

Жизнь Мераба Мамардашвили – это классическая иллюстрация к общеизвестной формуле «нет пророка в своем отечестве». Идеи философа не находили широкого отклика ни при его жизни, ни после смерти, Мамардашвили – пророк для избранных. Он знал цену индивидуальности и величие того общественного договора, которое позволяет жить в обществе людям, которые непохожи друг на друга. А вот дорасти до своих пророков во все времена удавалось немногим. В век потребительства, борьбы за власть и сферы влияния, когда деньги становятся целью и средством, уже сам интерес к Мамардашвили рассматривается как инаковость.

«Другим» быть очень сложно особенно в эпоху штампованных идей и «обесцененных» ценностей, глобализации культуры, нет места таким понятиям как «духовность», «нравственность», «мораль». За фасадом всепоглощающего гламура, кричащей роскоши и бездумной мишуры сложно, почти невозможно рассмотреть гармонию, гармонию мысли. На фоне гей-парадов и размытых гендерных границ мышление представляется адски трудным делом, оно требует устойчивой половой идентификации. Мышлению чужда праздность, оно всегда предполагает внутреннее усилие и мужество, не зря Мамардашвили считал философию исключительно мужским занятием, потому, что оно требует предельного мужества.

Задача философа состоит не только в том, чтобы мыслить самому, но и давать возможность думать и мыслить другим. «Философия есть способ приобщения к вечному настоящему, это место, где мы современны со всеми людьми – прошлыми, сейчас живущими и в будущем живущими, и это очерчено абсолютно одними и теми же вещами. Ведь в человеческой жизни все люди хотели существовать, пребыть – это основная страсть человека. И она – вечная задача. Собрать свою жизнь, рассеянную, как тетрадь, пребыть в полноте своей какой-то точки...» [10, с. 63]. Надеяться не на что, никто и ничто не избавит нас от необходимости сделать то, что мы должны сделать для самореализации, для того, чтобы состояться, быть в реальности. «Реальный мир – лишь тот, который есть сейчас, теперь и полностью, и этой полноты нельзя бояться; если боишься – мира не увидишь. Как говорили латиняне: *hitetnunc* – здесь и теперь. И в этом мире невозможна вчерашняя добродетель; ничего нельзя перекладывать на завтра» [11, с. 30]. Необходимо остановиться, перестать разбрасываться, разменивать жизнь на праздность, пришло время «собрать свою жизнь», ведь никто кроме тебя этого не сделает, потому что «жизнь, в которой мы рождаемся... построена таким образом, что приходится спасаться. То есть продельвать какой-то специальный путь, делать что-то с собой, чтобы вырваться из обыденного круговорота жизни...» [12, с. 11]. Философия невозможна, немислима без нашего участия в окружающем, Мамардашвили-философ пытался освоить безграничное пространство реальности. Его интересовала проблема: как человеку понять нечеловеческий мир, в котором он живет?

Ссылки:

1. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М., 1995.
2. Мамардашвили М.К. Введение в философию. СПб., 2002.
3. Там же.
4. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 2001.
5. Конгениальность мысли. М., 1994.
6. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М., 1995.
12. Там же.

References (transliterated):

1. Mamardashvili M.K. Lektsii o Pruste. M., 1995.
2. Mamardashvili M.K. Vvedenie v filosofiyu. SPb., 2002.
3. Ibid.
4. Mamardashvili M.K. Kartezianskiye razmyshleniya. M., 2001.
5. Kongenial'nost' mysli. M., 1994.
6. Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu. M., 1992.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Mamardashvili M.K. Lektsii o Pruste. M., 1995.
12. Ibid.